

Отношение Я / Другой в русском речевом общении: некоторые инновационные особенности

1. Занимаясь особенностями русского речевого поведения, многие исследователи уже достаточно давно обращали внимание на категорию Свой / Чужой и на различные виды ее воплощения. Между тем отношение *Свой/ Чужой* и *Я / Другой* вовсе не синонимичны ни формально, ни функционально, хотя в известном отношении и взаимозависимы. Несколько стертым в нашем современном сознании является тот примечательный факт, что русские этикетные формулы, в отличие от, например, западноевропейских, ориентированы на 2-е, а не на 1-е лицо. А именно: *Здравствуй(те)* – то есть: Ты будь здоров, а не Я сообщаю тебе о «хорошем дне»; *Пожалуйста* – это Ты меня пожалуй, а не Я тебя прошу (*Bitte*); *Спасибо* – Пусть Тебя спасет Бог, а не Я тебя благодарю. К этой давно сформировавшейся русской модели мы еще вернемся.

2. Отношение Я / Другой в речевом общении неотделимо от вопроса о вежливости. И здесь очень полезным является разделение вежливости на два полярных вида, введенное в известной монографии П. Брауна и С. Левинсона (Brown, Levinson 1987). То есть вежливость разделяется на негативную, или отрицательную (*negative politeness*) и позитивную, или положительную, (*positive politeness*). Негативная вежливость связана с очевидным для европейской ментальности желанием человека отгородиться от окружающих, хотеть, чтобы они никак не вторгались в его внутреннее «пространство», а соблюдали при контакте дистанцию. Позитивная вежливость связана с идеей открытости для коммуниканта, возможности сделать шаги в этом пространстве Другого. Метафорически речь идет как бы о двух «лицах» (*faces*): негативном и позитивном. Эта теория за десять лет разрабатывалась и дорабатывалась многократно. Так, в частности, эта дихотомия помогла Р. Бенаккьо решить вопрос о выборе вида русского глагола в императиве, когда возможны оба вида. Совершенный вид, скорее, ориентирован на негативную вежливость, несовершенный – на отношения «неформальные» (Бенаккьо 1997). Уточнению и дальнейшей разработке этой теории посвящена и более общая статья Е.А. Земской о категории вежливости в русском языке (Земская 1997). Итак, существенной для нас здесь является прямая декларация существования некоего «пространства», разделяющего коммуникантов.

3. Безусловно при контакте Я / Другой безразличны и социальное происхождение адресата и адресанта, с одной стороны, и общность / чу-

ждость их социальных групп, с другой. Таким образом, возможно очень большое число сочетающихся парных реляций.

Поэтому, с целью ограничить себя и выбрать некую единую точку отсчета, я пошла по пути эгоцентрическому, решив рассматривать указанную систему отношений со **своей точки зрения**, то есть решила описать в качестве субъекта идиорефлексии себя – человека пожилого возраста, москвичку, то есть столичную жительницу, женщину, жену, мать и бабушку (тем самым воспринимающую разные возрастные схемы коммуникации) и в то же время лингвиста с большим стажем, включенного в разветвленную сеть профессиональных отношений.

Начиная с послевоенных лет (моего осознанного восприятия речевого поведения) до первых лет «перестройки», то есть около сорока лет, отчетливой для меня была модель: Обращение – Просьба – Благодарность. Или (в случае телефонного разговора): Налаживание канала (*Алло!*) – Разговор – Формула Прощания. Непривычной для меня была сначала и инициальная модель телефонного разговора: *Здравствуйте*, и однажды я получила замечание от более молодой женщины за отсутствие этого приветствия. Я заметила также, что поколение тинэйджеров использует модель *Аллоздравствуйте*, произносимую как одно слово. (Ценной для меня явилась и недавняя реплика Т.В. Булыгиной о различии поколений: *Да, это те, кто по телефону начинает с Здравствуйте*.)

В последнее десятилетие (или, может быть, пятнадцать лет) все чаще и все настойчивее начинает звучать стереотипизированное выражение *Извините*, которое начинает становиться и начинающим, и заканчивающим разговор. Может казаться, что это изменение не стоит внимания или не столь серьезно. Между тем, в частности, на некоторую новизну употребления этого слова обратила внимание австрийская славистка Р. Ратмайр (Rathmayr 1996). Она считает, что это новое извините является компрессией *спасибо + извините за беспокойство*. Примеры Ратмайр: *Tanja doma?... – A ona večerom budet? – Da. – Izvinite*. На вопрос об улице: *Ne mogu vam skazat', sama ne znam.* – *Izvinite* (Rathmayr 1996: 65). Потребность в «извинении» расширяется: звонящие просят их извинить за звонок вечером, за звонок утром, за звонок на дачу, за звонок домой (однажды я, не выдержав, спросила: *Домой, а не – куда?*. Звонившая ответила прекрасно: *Да, я просто так, ведь надо было как-то извиниться*).

В статье, посвященной речевому мышлению обывателя (Николаева 1999), мною были намечены три основных черты его речеповедения: 1) тенденция к укрупнению масштаба отдельного факта, 2) нелюбовь к конкретному единичному феномену, 3) нелюбовь к точной информации. К этим чертам можно добавить и 4) стремление создать зону псевдоне-

удобства, прося прощение за которые, он вторгается в пространство дистанцировавшегося ранее Другого. Происходит манипуляция негативной и позитивной вежливостью, если эту схему рассматривать в более широком аспекте.

Интерпретация этого как будто бы безобидного явления может быть троякой или, при более подробном рассмотрении, трехступенчатой.

Во-первых, это может быть скрытым воздействием английского *soгу*, которое и употребляется сейчас по функциональному полю довольно близко к *извините*. Но и такое широкое употребление *soгу* в свою очередь заменяет более раннее обращение *Sir!*, к которому оно приближается по звучанию. Возможно, *soгу* повлияло и на другие языки Европы. Так, в Италии тоже говорят о неинтеллигентности *scusi* ('извините').

Во-вторых, некоторое объяснение этому наступлению на дистанцию Другого мы находим именно в самой теории Другого (L'Autre), подробно разработанной Ж.-П. Сартром (Сартр 1997): *«Другой – это скрытая смерть моих возможностей, поскольку я переживаю эту смерть как скрытую среди мира. Со взглядом другого ситуация ускользает от меня, или... я больше не хозяин ситуации, <...>. Объективация другого была бы крушением его бытия-взгляда... Объективация другого... есть защита моего бытия, которое освобождает меня как раз от моего бытия для другого, придавая другому бытие для меня... Конечно, Другой есть условие моего нераскрытого бытия. Но он представляет собой индивидуальное и конкретное условие его. Он не втянут в мое бытие среди мира в качестве одной из его составных частей <...> с того времени, как Другой является мне в качестве объекта, его субъективность становится простым свойством рассматриваемого объекта. И тем самым я себя восстанавливаю: ибо я не могу быть объектом для объекта»* (Сартр 1997: 167–169). В переводе на более привычную для нас терминологию, это означает стремление индивида подавить личность Другого, де-субъективировать его, превратить в управляемый и предсказуемый объект. Таким образом, создается некоторая, определяемая не адресатом, а адресантом, зона обязательных потенциальных неудобств, причиняемых адресату, за которые необходимо у него попросить прощения. Кажущаяся смиренность и скромность, как представляется, являются следствием активности по превращению негативной вежливости в позитивную, то есть вторжением в «пространство» Другого. За него решается вопрос, удобно ему или неудобно, трудно или не-трудно, даже – поздно сейчас или не-поздно. Тем самым он превращается из активной Личности в пассивную. Например, *«А.Д. просил Вас позвонить ему в десять вечера. – Это уже для него поздно, я лучше утром пораньше»* и под. (Важ-

ным свидетельством предыдущего по отношению к моему поколению является раздраженная реакция на извинения за причиненные неудобства у моего аспирантского руководителя А.А. Реформатского: *«Все время теперь извиняются перед беспомощным стариком-рамолитиком!»*)

Но почему эти явления привлекают к себе внимание именно в XX веке?

Ответом на это может быть третье объяснение. Это дает современная социальная психология, которая по сути и развилась только в XX веке после трудов Г. Тарда и Г.Ле Бона. Дело в том, что именно в XX веке наступает век масс, век толпы (см. соответствующие названия книг: см., например, С. Московичи. Век толп. М., 1996 (я называю российские издания в переводе), С. Московичи. Машина, творящая богов. М., 1998; Г. Лебон (вариант Ле Бон). Психология толп. М., 1999, Г Тард. Мнение и толпа. М., 1999. См. также работу З. Фрейда. Психология масс и анализ «Я». 1921. Общая идея в этих работах состоит в том, что усредненному индивиду (Обывателю – в том смысле, как это упоминалось выше) не хватает в общении некоторой энергии, *materia prima*, которую он стремится получить, вторгаясь в пространство Другой личности. В наибольшем количестве он ее получает, находясь в толпе, в которой происходит нивелировка личности и вспыхивает общая энергия коллективного бессознательного.

Почему же этой энергии стало так не хватать именно в XX веке? Несомненно это связано в свою очередь с материальным преуспеянием капиталистического мира, которое – опять-таки – опирается на протестантский постулат (поскольку большинство преуспевающих стран исповедуют протестантскую религию) об индивидуальной (а не соборной) ответственности личности за свои поступки, ибо поодиночке все будут представлять перед Высшим судом, и, – что главное для кальвинизма, – благосостояние личности, ее богатство, есть признак высшей отмеченности и признания заслуг (Московичи 1998: 261–263).

Таким образом эти две противоречащих друг другу тенденции – впитывание коллективной энергии через коллективные же встречи и неизбежное психологическое одиночество людей «рыночной экономики» и ведут к изменению этикетных формул, когда собеседнику «навязывают» некоторую зону неудобства, за которую у него же просят прощения. Сложным образом это накладывается на прежнюю русскую модель самопринижения и на совсем новую, когда для современной молодежи оказывается одним из важнейших компонентов личности «Уверенность в себе» (Шариков, Баранова 1999). Все сказанное и цитируемое относится к психологии именно городского обывателя.

4. Самопринижающийся момент, сочетающийся с экспансией в пространство дистанцирующейся личности (Р. Ратмайр считает, что для русских вообще более характерна «позитивная» модель общения – Rathmaur 1996), естественно, оказывается более сильным для провинции. Если столичный обыватель сам создает зону неудобства, которую сам же и причиняет и за которую сам же просит извинения, то провинциальная манера часто характеризуется еще и характеристикой коммуниканта и – тем самым – его **оценкой**. Беседа часто начинается со слов, *Вы, конечно, меня не помните... Вы, наверняка меня забыли, а я у вас в Институте несколько раз выступала..., Вам мое имя, конечно, ничего не говорит...* и т. д. Тем самым собеседник уже приобретает некую характеристику (или стар: память сдает, или предпочитает не-элиту не запоминать). Но, главное, провинциальная манера говорить **обязательно** включает в себя эксплицитное включение себя как провинциала: *Ведь у нас в провинции... Мы, провинциалы, вероятно...* Некоторым типологическим «подарком» для меня была беседа с профессором из Лиона, который звонил мне (я была в командировке в Париже) и сказал, что придет на мой доклад, но не знает, удастся ли ему выступить: *Мы ведь провинциалы, Т.М.!* Таким образом, эта манера может быть и не только русской.

По моей концепции, эта манера должна исчезать у жителей теперь самостоятельных стран, а ранее – республик СССР.

5. Итак, были рассмотрены три стереотипа речевого поведения и – насколько можно – под них подведена социальная основа. Это:

1) условно называемая «элитарная», дистанцирующаяся манера; 2) манера обывательская; 3) манера провинциальная. Вторая и третья могут в определенных ситуациях не противоречить друг другу.

Естественно, встает вопрос том, как относятся к Другому в сельских условиях, где еще сильна соборная коллегиальность. Будет ли это четвертой манерой отношения к Другому? К сожалению, я не располагаю для этого материалом, однако могу только предположить, что здесь оппозиция Я / Другой исчезает как таковая, сливаясь с уже многократно изучавшейся оппозицией Свой/ Чужой.

Литература

Бенакьо 1997 – Бенакьо Р. Выражение вежливости формами повелительного склонения несовершенного и совершенного вида в русском языке // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 3, М., 1997

Земская 1997 – *Земская Е.А.* Категория вежливости: общие вопросы – национально-культурная специфика русского языка // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. LYI. Heft 2. 1997

Московичи 1998 – *Московичи С.* Машина, творящая богов. М., 1998

Николаева 1999 – *Николаева Т.М.* Речевая модель «обывателя» и идеи Н.С. Трубецкого–Р.О. Якобсона об оппозициях и «валоризации» // *Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию В.В. Иванова*, М., 1999

Сартр 1997 – *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто (Существование другого) // *От Я к Другому*. Минск, 1997

Шарииков, Баранова 1999 – *Шарииков А.В., Баранова Э.А.* О связи ценностных и массово-коммуникативных ориентаций // «Психологический журнал». Май-июнь 1999. Т. 20. № 3

Brown, Levinson 1987 – *Brown P., Levinson S.C.* Politeness. Some universals in language usage. Cambridge, 1987

Rathmayr 1996 – *Rathmayr R.* Pragmatik der Entschuldigen. Köln-Weimar-Wien, 1996

Т.Н. Свешникова

Восточнороманские клише с общим значением каритивности*

Относительно недавно в фокусе внимания ряда исследователей вновь оказалась категория необладания (лишительности, каритивности) в языках различных типов (Иванов 1995, 5–45). Среди разнообразных видов контекстов, которые рассматривались авторами, выделяются клишированные формулы, принадлежащие различным жанрам фольклора, и прежде всего – загадке и заговору (Шиндин 1995, 148–152). Ср.: *Без ног, без рук, без рог катится с бугра*; *Еду, еду, – следу нету*; *режу, режу – крови нету*; *Едет из чистого поля богатырь, везет вострую саблю на плече, секет и рубит по мертвому телу... Не тече ни кровь, ни руда из эвтого мертвого тела.*

В корпусе восточнороманских фольклорных текстов, которые являются предметом рассмотрения в данной работе, выделяется своей необычностью и выразительностью тип заговора, содержащего формулы с

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 97-06-80015).